

ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 94(47).084.1-084.2+323.272

DOI 10.26456/vthistory/2023.3.005–021

СЛУХИ, ЭМОЦИИ, БОЛЬШЕВИЗМ

В.П. Булдаков

Институт российской истории Российской академии наук,
г. Москва, Россия

Автор считает, что на протяжении десятков лет история русской революции изучалась в ложной парадигме: основное место занимала борьба политических партий, якобы осуществлявших представительство определенных классов: буржуазии, пролетариата, крестьянства. Считалось, что программы партии, составленные на рациональных основаниях, в большей или меньшей степени соответствуют реальным интересам различных слоёв населения. Не учитывалось, что в сумбурной обстановке войны и революции решающее значение приобретала социальная архаика с её неконтролируемыми эмоциями, основанными на иррациональном восприятии происходившего. Европеизированные политики оказались не в состоянии противостоять ей. В этих условиях могли выиграть лишь те лидеры, которые ориентировались на деструктивные настроения масс, далёких от рациональной политики.

Ключевые слова: *Россия, революция, политические партии, массы, эмоции, слухи, большевизм.*

На протяжении столетия история российской революции писалась преимущественно так, как ее видели представители политических партий: большевики, социалисты, либералы. При этом, отталкиваясь от западных социологических теорий, они брали на себя представительство воображаемых классов – пролетариата, крестьянства и буржуазии. В результате сколь угодно оригинальной – «эндогенной» – концепции революции не сложилось. Более того, со временем утвердился исследовательский дискурс, обернувшийся эпистемологическим ступором.

Весьма устойчивым оставался также нарратив, связанный с социально-экономическим фактором. Он, в свою очередь, подобно флюгеру, легко разворачивался под влиянием текущей идеологии и политики. К примеру, если ранее, в соответствии с В.И. Лениным и К. Марксом, советские историки рассказывали об обострении «нужды и бедствий» народных масс (что было не лишено оснований) как о причине революции, то в современной России преобладает представление о предреволюционной «сытости»

российского населения. «Аргументом» служат абстрактные валовые показатели экономического развития, а отнюдь не самоощущения и устремления социальных низов. Известно, однако, что в экстремальных условиях люди остро реагируют не на бюрократическую цифирь, а на шокирующие явления в экономике и социальной жизни, гипертрофируя их под влиянием эмоций. Слухи словно «подгоняют» ощущение всеобщего развала. Характерно, что сами люди понимают, до какой степени они зависимы от них. Неслучайно в годы Гражданской войны в ряде газет появились специальные рубрики: «Слухи». Всё это по-своему отражало *сущностное* содержание происходящего.

То, что принято теперь называть Великой российской революцией, на деле являлось синергетическим циклом «смерти-возрождения» империи (см.: *Булдаков В.П.* Революция как проблема российской истории // Вопросы философии. 2009. № 1. С. 53–63). Понять это *изнутри* вряд ли возможно, хотя динамика происходящего довольно проста. Когда вера в разум утрачена, а привычные социальные конструкты расплывены, человек остаётся наедине с самим собой, точнее с собственным утопическим воображением и историческим подсознанием. Теперь он оказывается заложником коллективных эмоций, которые вопреки ученым теориям и прогрессистским утопиям неумолимо разворачивают его в «светлое прошлое» (см.: *Buldakov V.P.* Revolution and Emotions: Towards a Reinterpretation of Political Events of 1917 // Russian History. 2018. Vol. 45. P. 196–230). Конечно, власть может использовать ситуацию в своих интересах. Но для этого политики должны ориентироваться не на приглянувшиеся теории, а на «голос масс». Доктринеры пародийного типа на это не способны. А потому, независимо от их устремлений, реальный ход событий направляется коллективным бессознательным. Итог известен: революции начинаются с эйфории, заканчиваются разочарованием.

В начале XX в. весь европейский мир был настроен на *обновление*. При этом общественная психика становилась всё более агрессивной. Современникам это казалось естественным. Но выразить это социологически казалось делом невозможным.

Как бы то ни было, в силу старой позитивистской традиции исследователи упорно дистанцируются от анализа тонких материй человеческого бытия. Революционные эмоции изучаются главным образом на Западе¹, слухам, их провоцирующим, посвящены лишь отдельные отечественные исследования². Положение усугубляется тем, что теоретические разработки в области культурной антропологии революции отсутствуют. В результате между макро– и микроисторией зияет бездна исследовательского недоумения.

---

¹ Например, см.: *Interpreting Emotions in Russia and Eastern Europe / Ed. by M.D. Steinberg and V. Sobol.* 2011. DeKalb: Northern Illinois Press, 2011.

² См.: *Аксенов В.Б.* Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции. М., 2020.

Представляется, что выход стоит поискать в самой природе империи, её силе и слабостях. Обыденные – антиимпериалистические – представления в этом не помогут. Империя – это культура в её агрегированном силовом воплощении. Империи создаются харизматичными лидерами, поддерживаются верой и традицией, гибнут от бюрократического окостенения и людского беспамятства. При этом возникают острые эмоциональные реакции, формирующие в низах невообразимые ожидания.

Теоретически слухи призваны на роль медиума, поддерживающего в сбалансированном состоянии «коммуникативный разум» (Ю. Хабермас). Но это удаётся в соответствии с саморегулятивными возможностями общества. Последние в России были невелики. Положение усугублялось бюрократией, блокирующей обратную связь самодержца с подданными. По мере ослабления системы, усиления общественной дезориентации и деморализации, слухи становились стимулятором деструктивных процессов.

«Знаки беды» появились задолго до развязки. Так, слухи об «измене» генералов (особенно с немецкими фамилиями) циркулировали в армии с 1915 г. В конце 1916 г. в Петрограде говорили о том, что на Северном фронте солдаты нескольких полков отказались идти в наступление, так как подозревали, что преданы правительственными «изменниками»³. Сказались и слухи о предательстве союзников, особенно англичан⁴. Говорили также, что «армии грозит к весне голод, если радикально не реорганизуют дело снабжения»⁵. Эта опасность была реальной. Отголоски подобных слухов ощущаются и в современных работах, хотя их истинное значение не создается.

Так или иначе, накануне революции возник особый нарратив, связанный не столько с действительностью, сколько с пугливым воображением масс. Однако тогдашними политическими элитами архаика массового сознания третировалась как «невежество», «мешающее» универсальному ходу прогресса. Тем самым культурное разобщение между верхами и низами усиливалось, они начинали говорить на разных, становящихся враждебными языках. Это сказалось на академической науке с её привычным перекосом в сторону политической истории. Лишь в последние годы исследователи стали замечать, что сплетни, пересуды, наветы, злословие и бытовая скабрёзность в революционное время приобретают непомерное значение, реальные факты заслоняются или извращаются эмоциями (см.: *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М. 2010. С. 110–111, 117–118; *Его же.* Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг. Условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М., 2010. С. 17, 19).

³ *Шляпников А.Г.* Канун семнадцатого. М., 1992. С. 338.

⁴ *Колоницкий Б.И.* Политические функции англофобии в годы Первой мировой войны // Россия и Первая мировая война. СПб., 1999. С. 271–287.

⁵ *Устрялов Н.В.* Былое – революция 1917 г. (1890-е – 1919 гг.) Воспоминания и дневниковые записи. М.; 2000. С. 132.

Перед революцией и на протяжении 1917 г. одни слухи были реакцией на происходящее, другие, напротив, «опережали» реальные события. Неслучайно именно благодаря слухам в народе возникла убежденность в тотальной нехватке продовольствия в столице⁶. Это сыграло роль настоящего детонатора революции. Конечно, за теми или иными слухами могли стоять заинтересованные лица, но их шансы были невелики.

В данном случае речь пойдет по преимуществу о слухах, касающихся вопроса о власти, связанного, в свою очередь, с вопросами войны, мира, продовольствия – того, что в наибольшей степени волновало население. Именно такие слухи более адекватно, нежели намерения людей с политическим шорами на глазах, отражали реальный ход событий и даже опережали их. Это обусловлено тем, что слухи непосредственно воспроизводили особенности политической культуры масс⁷. Взвинченное ими эмоциональное требовало своей разрядки.

Революционные слухи были продолжением и отражением людских недоумений, порожденных Первой мировой войной. В низах представления о «слабости» царя подкреплялись домыслами об его «подмене». Царь казался «ненастоящим». В формировании его негативного имиджа важную роль сыграл образ Распутина, в представлениях о котором оказались перемешаны «рациональные», архетипические и магические компоненты. Распутин казался существом сверхестественных возможностей, «половым гигантом», насилующим не только царицу, её дочерей, но и всю Россию. Этот образ превратился во всеобщую метафору. Рассказывали, что заграничные карикатуристы изображали половой аппарат Распутина с подписью: «Руль, которым управляется Россия»⁸. Это представление закрепилось в фольклоре, возник устойчивый миф. Так, относительно недавно в Институт российской истории РАН две девицы направили запрос: какого размера был половой член у Распутина?

Характерно, что представления о «предательстве» формировались по этническому принципу: если царица «немка», то она не может не помогать Вильгельму. На этом представлении выстраивались легенды о подземном кабеле между Петроградом и Берлином, по которому Александра якобы общалась с кайзером. Отголоски подобных представлений в годы Большого террора обернулись жупелом вредительства.

Социологи обычно связывают интенсификацию слухов с недостатком информации о животрепещущих вопросах, что особенно характерно для турбулентного времени. Так, охранное ведомство уловило, что именно

---

⁶ Блок А.А. Последние дни Императорской власти. М., 2012. С. 35.

⁷ См.: Аксенов В.Б. Слухи и страхи петроградцев и москвичей в 1917 г. // Социальная история: Ежегодник. 2004. М., 2005; *Его же*. Война и власть в массовом сознании крестьян в 1914–1917 годах: Архетипы, слухи, интерпретации // Российская история. 2012. № 4.

⁸ Кравков В.П. Великая война без ретуши. Записки корпусного врача. М., 2016. С. 282.

слухи создавали «необходимую для революции атмосферу», что «громадную антиправительственную работу проделали нелепые и пошлые сплетни, с помощью которых «всё упрощалось, делалось более понятным, вульгарным, скверным»⁹. Эмоциональная аура становилась «революционной». «Старые бабы пророчествуют пришествие антихриста... свержение царств и бедствия народные», – записывала в своём дневнике одна медсестра¹⁰. В Воронежской губернии следы «антихриста» находили в ноябре 1916 г. – он якобы клеймил школьников сатанинской печатью¹¹. В условиях размытости устоев гражданственности «всякий, кому не лень, распространяет слухи о войне, мире, германских интригах и пр.», констатировали жандармы¹². «Всякие ползучие слухи отравляют меня... Всё время ждешь, что вот-вот должна совершиться какая-то катастрофа»¹³, – писал историк М.М. Богословский. Даже воспоминания людей, находящихся далеко от столицы, были проникнуты уверенностью, что события приобрели необратимый характер¹⁴. Нелучайно в 1920-е гг. развернулись поиски «тёмных сил» – устрашающая символика прошлого вторгалась в настоящее (см.: *Булдаков В.П. Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени.* М., 2012. С. 22, 98, 435, 490, 714).

Порой рациональное смешивалось с фантазийным. Характерный пример привёл известный правый деятель Л.А. Тихомиров. Одна из крестьянок на рынке так подхватила тему «измены»: «... Царица чуть не каждый день посылает в Германию поезда с припасами; немцы и кормятся за наш счёт, и побеждают нас». Резонных возражений она не принимала. Когда её пытались убедить, что «царь подобного не допустит», она тут же парировала: «... Его давно нет в России... В Германию уехал». Далее Тихомиров воспроизвел развитие спора: «“... Глупая баба, разве Царь может отдать своё царство немцам?” – Она с апломбом отвечает: “Да ведь он уехал на время – только переждать войну”»¹⁵.

Этот диалог примечателен во многих отношениях. Во-первых, крестьянка бездумно гипертрофировала слухи об «измене царицы» и о вывозе продовольствия за рубеж. Возможно, последней легендой крестьяне прикрывали своё желание попридержать продовольствие, чтобы продать его на более выгодных условиях. Затем «рациональный» дискурс сменялся «фанта-

⁹ *Спиридович А.И.* Великая война и Февральская революция. 1914–1917 гг. Нью-Йорк, 1960. Кн. 2. С. 123.

¹⁰ Тверской край в XX веке. Документы и материалы. Тверь, 1995. Вып. 2. 1907–февраль 1917 г. С. 117.

¹¹ *Страхов Л.* Воронежская губерния накануне 1917 г. // Живая история. 2016. № 10 (16). С. 57.

¹² Буржуазия накануне Февральской революции. М.; Л., 1927. С. 125–126.

¹³ *Богословский М.М.* Дневники (1913 – 1919): Из собрания Государственного исторического музея. М., 2011. С. 287.

¹⁴ *Романов А.В.* Военный дневник великого князя Андрея Владимировича Романова (1914 – 1917). М., 2008. С. 243–244.

¹⁵ *Тихомиров Л.А.* Дневник Л.А. Тихомирова. 1915–1917. М., 2008. С. 95–96.

зийным»: «царя нет!» Но такое не укладывалось в традиционную ментальность. И тогда включилась «шизофреническая» аргументация: царь («предатель») уехал в Германию на время «переждать войну!»

Конечно, крестьянка не была шизофреничкой в клиническом смысле слова. Простые люди были до такой степени отчуждены от власти и, соответственно, понимания сути событий, что их сознание готово было перешагнуть грань, отделяющую «нормальное» от психопатологического. Известно, что шизофреники никогда не «спотыкаются» в пересказе своих вымыслов. И, похоже, в этом направлении работало массовое сознание в целом.

Конечно, сказывался фактор искусственного вбрасывания слухов. По-своему фантазировали люди параноидального склада. Так, праворадикальный иеромонах Илиодор (Труфанов), разойдясь с Распутиным, принял не только «разоблачать» его, но и распускать антидинастические слухи¹⁶. Но любая «фабрика слухов», преследуя политические или иные цели, вместе с тем является порождением и выражением определённых страхов и надежд, т. е. реактивацией скрытых от политиков культурных архетипов.

Так или иначе, перед революцией сформировался устрашающий *метанарратив* о «слабости» и «негодности» существующей власти. С этим связаны и широко распространившиеся конспирологические представления, которые предшествовали падению Романовых. В антидинастические слухи искренне поверили. Соответственно, падение монархии стало представляться в виде справедливого возмездия, ниспосланного свыше.

Характерно, что российские слухи раскручивались на фоне общеевропейской тенденции. Известно, что в 1910–1914 гг. в Европе произошло около 40 покушений на государственных и военных деятелей. Соответственно, в России «вспомнили» о дворцовых заговорах. В столичных кругах заговорили о якобы имевшем место покушении на царя и царицу (называлась даже дата – 26 декабря 1917 г.), рассказывали, что она была ранена, а стрелявший в нее гвардейский офицер был убит на месте. Из частной переписки можно было узнать, что стрелял офицер кн. Оболенский, но промахнулся, и что его вместе с другими офицерами-заговорщиками повесили. Говорили также об убийстве и ранениях царских приближённых¹⁷. Вероятно, за всем этим скрывалась надежды на дворцовый переворот – то ли в стиле убийства Павла I, то ли по сербскому сценарию 1903 г. Царь и царица представлялись абсолютно порочными – первая якобы грешила с Распутиным, второй спивался¹⁸. Эти люди были достойны казни. Их подданные мысленно допускали расправу с ними и с их окружением¹⁹.

¹⁶ Колоницкий Б.И. «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010. С. 538–539.

¹⁷ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 102. Оп. 265. Д. 1071. Л. 101.

¹⁸ Там же. Л. 88.

¹⁹ Кравков В.П. Великая война без ретуши. С. 284.

Неудивительно, что слухи об убийстве царских приближённых повторились 28 февраля 1917 г.²⁰ Характерно, что за тем последовали слухи о покушении на А.Ф. Керенского, об угрозах в адрес М.В. Родзянко. Образованные люди считали, что повторяется «вечная история о жирондистах и террористах»²¹. Мысленно конструировалась особая «квазиреволюционная» реальность.

При сложившемся образе правящих верхов слухов о заговорах *не могло не быть*. Но это были именно *слухи*. Центральной фигурой сонма «врагов престола» в литературе стал А.И. Гучков, имевший обширные связи и с генералами, и с промышленниками²². Между тем сам он после Февраля уверял: «Этот переворот был подготовлен не теми, кто его сделал, а теми, против которых он был направлен. Заговорщиками были не мы, русское общество и русский народ, заговорщиками были представители самой власти»²³. Впрочем, импульсивный Гучков всегда старался напустить туману на свои замыслы и деяния. А потому после его отставки тут же пронёсся слух, что и против него готовится заговор²⁴.

Мистификация революционного процесса была связана с психопатологическим состоянием общества. Отсюда реанимация старой как мир апокалиптической веры во всемогущество «тёмных сил». Писательница Р.М. Хин-Гольдовская сообщила о тогдашнем состоянии умов: «... Какое-то истерическое легкомыслие овладело людьми. То, что прежде глубоко пряталось, чего стыдились – теперь цинично выставляется наружу... Живём в какой-то эпидемической неврастении. Сплетни, слухи, догадки и непрерывное ожидание катастрофы... Все громко ругают правительство и все ждут переворота как чего-то неизбежного»²⁵. В.И. Ленин как-то заявил, что Февральская революция – это «результат заговора английского и французского посольств», поддержанного Гучковым, Милюковым и генералитетом, «чтобы не дать Николаю II заключить сепаратный мир»²⁶. Это похоже на попытку использования слухов в политических целях.

Немалую роль в десакрализации власти сыграло падение авторитет церкви, также связанное с Распутиным. В результате в конце февраля – начале марта 1917 г. возбуждённые толпы могли поверить, что с колоколен церковей велась стрельба из пулеметов – сатирические журналы активно

²⁰ *Ивнев Р.* В вихре революции. События глазами поэта. М., 2017. С. 49.

²¹ *Нарышкина Е.А.* Мои воспоминания. Под властью трех царей. М., 2014. С. 383.

²² См.: *Козодой В.И.* Александр Иванович Гучков и Великая русская революция. Новосибирск, 2015. С. 104, 105, 109, 110, 182, 183, 186, 193, 196, 201.

²³ Речь. 1917. 9 марта.

²⁴ *Паскаль П.* Русский дневник: во французской военной миссии (1916 – 1918). Екатеринбург, 2014. С. 205.

²⁵ *Хин-Гольдовская Р.М.* Из дневников 1913 – 1917 // Минувшее. М.-СПб., 1997. С. 571.

²⁶ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 16.

обыгрывали эту тему²⁷. В Москве на митингах утверждали, что в Донском монастыре у монахов нашли «тысячу золотых десятирублевков, засунутых в сердцевину моченых яблок»²⁸. Художники-сатирики словно соревновались в создании образа попа – прислужника старого режима, попа-пулеметчика, монаха-стяжателя и даже священников, предлагавших сделать из одного креста две виселицы²⁹.

Дело доходило до политического умопомешательства: деятели черносотенного пошиба уверяли, что «революцию сделала Англия», а Петроградский Совет «направляется еврейством и большим капиталом»³⁰. Даже образованные люди порой воспроизводили антисемитский вздор³¹. Слухи создавали особое информационное пространство, деформирующее «правильную» политику. Соответственно разливу эмоций теряли свой авторитет привычные институты и партии.

Под волной всеобщих восторгов, связанных с падением Романовых, таились застарелые сомнения и страхи. Так, акт присяги Временному правительству породил в некоторых солдатах подобие боязливого суеверия. Говорили, что офицеры направили списки присягнувших не новому, а старому правительству³². В массах царило недоумение, что не могло не сказаться на восприятии новой власти. «Некоторые говорят, что конец Русскому государству, а некоторые говорят, что – государя свергли немцы, которых много еще в России, занимающих главные посты... Сегодня офицеры нам объявили, что государь по болезни сам не захотел царствовать, но этому никто не верит»³³, – писал солдат с фронта. Страхи словно выползали из тумана прошлого. В Одессе пронёсся слух о том, что Временное правительство готовится к восстановлению крепостного права³⁴. Абсурдное казалось реальным. Один вятский крестьянин сообщал: «У нас Николка сбежал». По его мнению, он «убежал к родственникам», с которыми он воевал «по согласию» – «чтобы не было восстания против правительства», воспользовавшись подземными ходами, один из которых был прямо из дворца³⁵.

Обычные люди улавливали в революции отнюдь не прогрессивно-поступательное движение. Именно они, а не скованные доктринами интеллигенты, точнее ощущали переломный смысл происходящего. Иначе и быть не могло. Во взбаламученной традиционалистской среде, архетипические

²⁷ См.: Бич 1917. События года в сатире современников. М., 2017. С. 98, 99, 197; Новый сатирикон. 1917. № 13. Апрель. С. 4, 9; № 14. Апрель. С. 7, 8; № 17. Май. С. 9; 1917. № 33, 34, сентябрь (обложка).

²⁸ Паустовский К. Собрание сочинений в 6 томах. М., 1957. Т. 3. С. 571.

²⁹ Стрекоза. Еженедельный журнал сатиры и юмора. 1918. № 14. Апрель. С. 15.

³⁰ Снесарев А.Е. Дневник: 1916 – 1917. М., 2014. С. 388, 391.

³¹ Кравков В.П. Великая война без ретуши. С. 284.

³² Солдатские письма 1917 года. М.; Л., 1927. С. 51.

³³ Солдатские письма 1917 года // Память. Исторический сборник. Вып. 4. С. 342.

³⁴ Одесский листок. 1917. 4 марта.

³⁵ Цит. по: Колоницкий Б. Сага о народной любви и ненависти // Новое время. 2007. № 39. 9 ноября. С. 9.

импульсы реактивировались и судорожно впитывались возбуждённой социальной средой.

Возникает вопрос, какие источники позволяют уловить динамику слухов и эмоций? Из чего складывается их агрегированный нарратив? Ответ очевиден. Во-первых, это дневники и письма современников. Во-вторых, соответствующие воспоминания – как правило, авторы поставляют весьма полезную для подготовленного исследователя информацию. В-третьих, это газеты, охотно сообщавшие о циркулирующих слухах (особенно часто об этом писали в годы Гражданской войны, когда в ряде провинциальных газет появлялись даже соответствующие колонки). Немалую роль играли презируемые (но стыдливо читаемые) просвещенной публикой бульварные листки. В любом случае самые невероятные и вздорные слухи, исходящие из сомнительных источников, в большей или меньшей степени поддаются научному истолкованию.

Спектр эмоций, представленных слухами, определялся обычным для революции состоянием: между *надеждой* и *страхом* перед будущим. При этом, в силу тогдашнего информационного бума, подкрепляемого мощными миграционными процессами, эмоционально перенасыщенная информация приобретала тотальный характер.

Особое место занимали панические слухи. Поражает всеобщая убеждённость о использовании полицией в марте – феврале 1917 г. пулемётов, расставленных на крышах домов по приказу «сумасшедшего» министра внутренних дел А.Д. Протопопова. И, конечно, нашлась масса «очевидцев», особенно среди людей с пылким воображением. 28 февраля З. Гиппиус записывала в дневнике информацию «о пулемётах на крыше её дома», из которых палили «переодетые городовые»³⁶. Пулемётов, конечно, не нашли. Но подобные заверения воспроизводились другими³⁷. В некоторых случаях с крыш стреляли даже дворники³⁸. Пулемётную стрельбу «слышали» все³⁹. Осталась масса рисунков, изображающих то, чего не могло быть в действительности⁴⁰. Слух превратился в «факт», в непреложность которого уверовала вся Россия. Слухи о смертоносных пулемётах достигли Москвы⁴¹. Одесский корреспондент уверенно сообщал из Петрограда, что с крыш домов стреляли полицейские, переодетые в солдатскую форму⁴². Иной раз за переодетых полицейских принимали трубочистов.

---

³⁶ Гиппиус З.Н. Синяя книга. Петербургский дневник. 1914–1918. Белград, 1929. С. 86.

³⁷ Врангель Н. Е. Воспоминания: от крепостного права до большевиков. М., 2003. С. 354–355.

³⁸ Суханов Н. Н. Записки о революции. М., 1991. Т. 1. С. 108–109.

³⁹ Пришвин М. М. Дневники. М., 1990. С. 78; Ремизов А. М. Дневник 1917 – 1921 гг. // Ремизов А. М. Сочинения. Т. 5. Взвирённая Русь. М., 2000. С. 426.

⁴⁰ Огонек. 1917. № 10. С. 165; № 11. 26 марта. С. 161, 167; № 12. 2 (15) апреля. С. 189.

⁴¹ Морозов Н. Семь дней Революции. События в Москве. Дневник очевидца. М., 1917. С. 4.

⁴² Одесский листок. 1917. 7 марта.

Известия о пулеметной стрельбе с крыш домов относятся к феномену «востребованного мифа». Неслучайно он возродился в июле 1917 г., о чём сообщил А. Блок⁴³. Без «коварного врага» и его «доблестных жертв» революция не могла стать «праздником освобождения». Всякий миф таит в себе элемент невероятного и даже абсурдного – иначе вера в чудо не состоится.

После «протопоповских пулемётов» пришла очередь «чёрных автомобилей». Пресловутые пулемёты словно спустились с чердаков и колоколен, чтобы ещё больше сгустить страхи. Н.Н. Суханов 2 марта сообщал: «Появился в Петербурге некий “чёрный автомобиль”, мчавшийся, как говорили, из конца в конец столицы и стрелявший в прохожих чуть ли не из пулемёта»⁴⁴. Предполагалось, что теперь именно в них засели бывшие полицейские. Слухи о «чёрном автомобиле» также обошли всю Россию⁴⁵. Примечательно, что этому образу предшествовал реальный революционный «красный автомобиль», благодаря которому современники заговорили об «автомобильной революции» (См.: Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. Указ. соч. С. 458–460). Как видно, у обывателей образ «революционного мотора» вызывал смутное беспокойство: отсюда превращение его в угрожающий «чёрный автомобиль». Впрочем, на этом «приключения автомобиля» в людском воображении не прекратились. 12 мая по Москве пронёсся слух, что по Петрограду разъезжает грузовой автомобиль, с которого женщины и дети разбрасывают «манифест к народам всего мира», подписанный каким-то «прапорщиком графом Головкиным-Хвоцинским», начинающийся словами: «Ослы! Из-за чего вы воюете?»⁴⁶

Часть послефевральских слухов отражала страхи перед контрреволюцией. В Москве сначала говорили о том, что после падения старой власти диктатором назначен не то генерал М.В. Алексеев, не то А.Д. Протопопов. Потом стали рассказывать, что Протопопов скрывается в Москве, а на вторую столицу движется генерал А.Е. Эверт. Говорили, что Кремль окружен войсками, верными старому строю, затем сообщали, что его от них освободили⁴⁷. И это вопреки тому, что переворот в Москве произошёл почти бескровно.

Довольно скоро через слухи проявили себя проявили себя антивоенные настроения. В апреле в действующей армии распространился слух, что 20 000 офицеров, не пожелавших сносить оскорбления со стороны солдат, отправились на Западный фронт в качестве рядовых. Один денщик по этому поводу заявил, что «без них лучше будет, они изменники»⁴⁸. Со временем к этому добавилась антивоенная пропаганда большевиков и анархистов.

⁴³ Блок А.А. Указ. соч. С. 132.

⁴⁴ Суханов Н.Н. Записки о революции. Т. 1. С. 178.

⁴⁵ Аксенов В.Б. Слухи и страхи петроградцев и москвичей в 1917 г. С. 163–200.

⁴⁶ Окунев Н.П. Дневник москвича (1917–1924). Т. 1. М., 1990. С. 41.

⁴⁷ Руга В., Кокорев А. Повседневная жизнь Москвы. Очерки городского быта в период Первой мировой войны. М.; Владимир, 2011. С. 530–532; 541–542.

⁴⁸ Государственный архив Тверской области (далее – ГАТО). Ф. Р-2335. Оп. 1. Д. 145. Л. 9.

Потаённый страх предательства составляет один из наиболее устойчивых компонентов человеческой психики. Именно он «оживает» в критических ситуациях, выискивая новых врагов. В июне 1917 г. даже солдаты стали подозревать в предательстве друг друга⁴⁹. Со временем жупел измены использовался не только против большевиков, и против Л.Г. Корнилова.

Всё больше сказывались «нужные» слухи. В Вятской губернии в связи с введением продовольственной монополии заговорили о том, что крестьянам придётся сдавать всё зерно. Затем к этому добавилась молва о том, что якобы армия больше не нуждается в продовольствии, а потому в Сибири хлебная монополия уже отменена. Понятно, что в этих условиях могли проявить себя люди неадекватные. 18 мая 1917 г. в Гольянах (Вятская губерния) некий неизвестный верхом на лошади принялся публично крыть матом Временное правительство. Он вопил, что эта власть заставляет всех голодать: нет сахара, табака, крупчатки, других товаров. От милиционеров, пытавшихся его арестовать и даже открывших стрельбу, он ускакал⁵⁰.

Вполне прагматичные устремления просматриваются и в антисемитских слухах. Виновниками недостатка продуктов, естественно, оказывались всевозможные посредники и спекулянты, расплодившиеся в годы войны. Не удивительно, что крупные города становились центрами юдофобии. В марте 1917 г. в Петрограде отмечался рост погромных призывов⁵¹, в июле к избиванию «жидов» в центре города призывали вполне респектабельные люди⁵², не говоря уже о речах на привокзальных площадях⁵³. В августе за подобные призывы был арестован ряд лиц⁵⁴. Подобные меры запаздывали. С начала апреля 1917 г. такие же призывы зазвучали в Москве⁵⁵. В июле в Симферополе распространялись листовки с призывами бить евреев, подписанные «Красная перчатка»⁵⁶. В августе в очередях говорили о том, что хлеб в тайных складах «спрятали жида»⁵⁷, антисемитские реплики были замечены даже в Московском Совете⁵⁸. В сентябре в Киеве появились прокламации «антиукраинского» и антисемитско-монархического содержания⁵⁹, а в Орле

---

⁴⁹ Кравков В.П. Великая война без ретуши. С. 339.

⁵⁰ Retish A. Russia's Peasants in Revolution and Civil War: Citizenship, Identity, and the Creation of the Soviet State, 1914 – 1922. Cambridge, NY, etc. 2008. P. 101, 105.

⁵¹ См.: Районные Советы Петрограда в 1917 году. Протоколы, резолюции, постановления общих собраний и заседаний Исполнительных комитетов. М., 1966. Т. 3. С. 270; Известия. 1917. 19 июля.

⁵² Рассвет. 1917. № 2. 16 июля. С. 35.

⁵³ Бейзер М. Евреи Ленинграда, 1917–1939: Национальная жизнь и советизация. Иерусалим-М., 1999. С. 43.

⁵⁴ Рассвет. 1917. № 7. 30 августа. С. 32.

⁵⁵ Русские ведомости. 1917. 9 апреля.

⁵⁶ Русское слово. 1917. 17 июля.

⁵⁷ Утро России. 1917. 23 августа; Русская воля. 1917. 25 августа.

⁵⁸ ГА РФ. Ф. 1791. Оп. 6. Д. 272. Л. 24; Д. 22. Л. 125; Д. 272. Л. 25.

⁵⁹ Рассвет. 1917. № 9. 6 сентября. С. 24; Русское слово. 16 сентября.

расклеивались погромные листовки «Общества коричневой руки»⁶⁰. Подобная информация расходилась по всей России. В сентябре в Киеве толпа едва не линчевала еврейскую семью под влиянием слухов об убийстве их прислуги⁶¹.

Традиционное сознание словно рыскало в поисках подходящей точки опоры. Отсюда волны сменявших друг друга фантастических слухов. В связи с июльским кризисом на Юго-Западном фронте рассказывали, что Временное правительство арестовано полностью; арестовано только частично; некоторые его члены убиты толпой⁶². А. Блок зафиксировал разговоры о том, что «Керенский давно арестован»⁶³. Желанное и пугающее сменяли друг друга. В Москве говорили, что «вооружённое восстание в Петрограде приняло серьёзные размеры, была стрельба, убитых и раненых около 500 человек»⁶⁴. (В действительности за три июльских дня погибло 56 человек⁶⁵). И вновь писали, что за стенами Таврического дворца, где заседали социалистические министры, волновались толпы рабочих и солдат и «носились автомобили с пулеметами и без пулемётов»⁶⁶.

Неудача июньско-июльского наступления русских армий вызвала волну панических слухов. 25 июля в Одессе говорили, что немцами «взят Очаков» и предстоит «эвакуация Одессы»⁶⁷. Пораженческие эмоции нарастали. В октябре сатирический журнал высмеивал обывателей, которые верили слуху о том, что правительство переедет в Москву как только немцы возьмут Ревель⁶⁸. Однако люди верили услышанному, а не написанному. Дурные эмоции словно управляли ходом событий.

Конспирологическая тема неуклонно нарастала. В последней декаде августа в ряде провинциальных городов обсуждались слухи о раскрытии в Петрограде тайной контрреволюционной организации, возглавлявшейся великими князьями Михаилом и Павлом Александровичами и их супругами, нити которой, якобы, опутали всю Россию и вели к правым партиям⁶⁹. В сущности «заговор Корнилова» был создан именно слухами – включая опасения выступления большевиков⁷⁰.

⁶⁰ Рассвет. 1917. № 13. 4 октября. С. 33; Октябрьский переворот. Пг., 1918. С.74.

⁶¹ Киевлянин. 1917. 16 сентября.

⁶² Армейский вестник. 1917. 7 июля.

⁶³ Блок А.А. Указ. соч. С. 131.

⁶⁴ Алексей Васильевич Орешников. Дневник. 1915–1933. М., 2010. Кн. 1. С. 121.

⁶⁵ Попова С.С. Между двумя переворотами. Документальные свидетельства о событиях лета 1917 года в Петрограде (по французским и российским архивным источникам). М., 2010. С. 160.

⁶⁶ Свободное слово (Москва). Газета общественно-политическая и литературная. 1917. 10 июля.

⁶⁷ Лакиер Е.И. Отрывки из дневника – 1917–1920 // «Претерпевший до конца спасен будет»: женские исповедальные тексты о революции и гражданской войне в России. СПб., 2013. С. 144.

⁶⁸ Будильник. 1917. № 35. Октябрь. С. 9.

⁶⁹ Сибирская жизнь. 1917. 26 августа; Саратовский листок. 1917. 25 августа.

⁷⁰ Блок А.А. Указ. соч. С. 160.

В дни корниловского выступления в Новочеркасске заговорили о том, что Керенский уже арестован Корниловым и сформировано правительство во главе с Милюковым. Напротив, в начале сентября поползли слухи о том, что утвердилось «чисто еврейское» правительство во главе с Керенским⁷¹. Кое-где обыватель, согласно слухам, хотел бы видеть во главе правительства Родзянко и Гучкова, а также представителей казачества. Впрочем, тогдашние слухи то возносили Гучкова к власти, то отправляли в тюрьму⁷². На собрании общественных организаций Калуги говорилось об успехах Корнилова и о том, что генерал-губернатором Петрограда назначен Б.В. Савинков⁷³. Люди мысленно «подбирали» диктатора. Согласно слухам, им должен был стать будущий «верховный правитель России» адмирал А.В. Колчак⁷⁴. Это выглядит почти символично.

На этом фоне рушился авторитет «демократической» власти. Так, некая нервная особа обрушила на Н.С. Чхеидзе поток характерных угроз: «Я... готова взорвать Вас, пойти с кадетами, с Корниловым, с самим чертом, только бы, наконец, можно было сказать, что... сегодня не будет резни и убийств, не будет серый хам издеваться над чувствами и человеческим достоинством интеллигента...»⁷⁵. Социальный конфликт вырастал из вихря негативных эмоций.

Слухи революционного времени можно связать с психоментальным «блужданием» масс, не способных разобраться в хаотичной ситуации. Так или иначе, реактивировались гравитационные волны прошлого, обострившие «смуту в умах». Всё это вело к возобладанию над «цивилизованной» политикой стохастических (вероятностных) и синергических (самоорганизационных) процессов. Социальная революция складывается из нелинейных «закономерностей», к которым так привыкло наше сознание. До сих пор перестройке последнего препятствует упорное желание описывать революцию в привычных политических терминах.

Разгул слухов, вызванный психозом дезинформации, конечно, не случаен. Это явление носит не только российский характер. Информационное пространство становилось не только более «плотным», но и эмоционально перенасыщенным. Весь европейский мир оказался в круговороте иллюзий и мифов. Слухи были не просто способом истолкования тех или иных событий. С их помощью традиционное сознание создавало свою новую картину мира.

Слухи отражали характерную надежду на спасение извне. Известно, что ещё в 1915 г. рассказывали о том, что в Россию направляются японские войска для того, чтобы стабилизировать Восточный фронт. Многие даже видели японцев в тылу, встречая их патриотическими криками «банзай». Это

⁷¹ Государственный архив Ростовской области (далее – ГА РО). Ф. 694. Оп. 1. Д. 12. Л. 15.

⁷² ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 807. Л. 140, 141.

⁷³ Общество и революция. Калужская губерния в 1917 году. Калуга, 1999. С. 267.

⁷⁴ Кравков В.П. Великая война без ретуши. С. 344.

⁷⁵ ГА РФ. Ф. 6978. Оп. 1. Д. 298. Л. 94 об.

была лишь японская миссия Красного Креста⁷⁶, но людская молва превратила их в «спасителей»-солдат. Вероятно, под влиянием подобных слухов в сентябре 1917 г. русские офицеры на фронте заговорили о том, что «единственное спасение теперь в том, чтобы позвать на наш фронт японцев или американцев, чтобы они силою заставили наших солдат драться, пусть стоят сзади с пулемётами и перестреливают бегущих»⁷⁷. Из этого складывалось своеобразное предчувствие военной интервенции со стороны союзников. Гипертрофированное представление о «нашествии 14 империалистических государств», подготовленное этими слухами, в годы Гражданской войны использовали большевики, попытавшись вызвать революционно-патриотический энтузиазм в уставшем от войн и революций населении.

Характерно, что современники предлагали особую политическую интерпретацию циркулирующих слухов. «Умные люди со всех сторон судачат, что пришёл конец России, где-то демонстрации за Михаила (Романова), все эти темные, злые слухи как змеи, по ночам... готовы задушить свободу...»⁷⁸, – такие мнения высказывались в частной переписке. В июне в Псковской губернии крестьяне предпочитали, чтобы «правил государь Михаил Александрович». О демократических процедурах отзывались презрительно: «На что нам какая-то шушера, коли у нас есть брат царя, которому Богом указано править Россией». Параллельно на севере и в Сибири ходили слухи о будущем диктаторе – «будто бы из октябристов»⁷⁹. (Здесь, возможно, сказалась заговорщическая репутация А.И. Гучкова).

На этом фоне вырастал большевизм – не столько реальный, сколько куда более пугающий – мифический. Слухи о готовности большевиков немедленно расправиться с «буржуями» были столь велики, что социалистическая пресса упрекала либералов в том, что им «всюду мерещится Ленин»⁸⁰. Поэтому неудивительно, что даже после июльских событий в Петрограде слухи о новом большевистском выступлении постоянно муссировались в городской среде. «Где Ленин? – задавалась вопросом газета, позиционирующая себя “демократической”. – Выехал в Швейцарию через Германию – своим обычным путем». И тут же приводился слух о том, что большевики готовят новое выступление»⁸¹. Создалась ситуация, что любой бунт мог быть истолкован как организованное выступление сторонников Ленина. В таких условиях вероятность прихода большевиков к власти усиливалась.

⁷⁶ *Серебренников И.И.* Претерпев судьбы удары. Дневник 1914–1918 гг. Иркутск, 2008. С. 59.

⁷⁷ *Устрялов Н.В.* Былое – революция 1917 г. С. 149.

⁷⁸ Из писем Ю.А. Никольского к семье Гуревич и Б.А. Садовскому. 1917–1921 // *Минувшее*. Т. 19. С. 143.

⁷⁹ Цит. по: *Вебер М.И., Лебедева Г.Ю., Суржикова Н.В.* «Проклятый Петроград», «полная анархия» и «гражданская темнота»: Россия 1917 года в частной переписке современников // *Вестник Пермского университета. История*. 2016. Вып. 3 (34). С. 79.

⁸⁰ *Дмитриенко А.А.* Гатчина. Год. 1917-й (глазами горожан). М., 2017. С. 78.

⁸¹ Газета для всех. Демократическая газета (Москва). 1917. 28 июля. С. 2.

Согласно некоторым слухам, уже в июле Керенский был обречён. Его фигура становилась анекдотичной. Бенуа вспоминал: «Про него ходили всяческие иронические рассказы: будто он, поселившись в Зимнем дворце в комнатах, служивших когда-то резиденцией Александру III, целыми днями распевает там оперные арии, принимает всякий сброд и всё менее интересуется делами»⁸². Керенского «разводили» с женой и не раз «женили»⁸³. Амурные дела якобы поглощали все время Керенского. Историк Б. Никольский, человек правых взглядов, 22 июля 1917 г. так комментировал слухи, окружавшие Керенского: «Вероятно, его скоро ухлопают»⁸⁴.

Нашему современнику трудно представить, что на протяжении 1917 г. большевизм существовал скорее как образ, нежели реальность. И материализации этого образа помогли страхи, воплощённые в слухи. Большевики вынуждены были действовать так, как им предписывали людские эмоции – эти неуловимые двигатели синергетики русского хаоса. Образ «всевидающего» Ленина выростал *изнутри* русской культуры, хотя сам «вождь» «питался» по преимуществу химерами собственного «сверхреволюционного» воображения.

После октябрьского переворота страхи перед большевизмом соединились со страхами перед немецким нашествием. 30 октября 1917 г. калужская газета «Трудовая мысль» писала, что «самая безумная фантазия не могла дать большего, чем суровая действительность момента». Это сопровождалось уверениями, что «авангард немецкой армии: Ленин, Коллонтай и компания громят Петроград», «Аврора бомбардирует Зимний дворец», большевизм «купается по горло в обывательской крови», а в Берлине «вырабатывается прусская конституция для русского государства», чтобы «закабалить русский народ». В Сибири писали о том, что «немецкому наступлению до последнего времени всегда предшествовали выступления Ленина и Бронштейна...»⁸⁵. Но при том в устойчивость большевистской власти не верил почти никто.

Метанарратив революции, созданный слухами, нельзя назвать иначе, как хроникой объявленной революции. Можно предположить, что это связано с имплицитными эсхатологическими импульсами сознания. Как бы то ни было, в создавшихся условиях большевики попросту не могли не выступить в октябре 1917 г. – массовое сознание в полном смысле подталкивало их к действию. В противном случае они просто сошли бы с исторической сцены. Похоже, что Ленин и Троцкий почувствовали, что «момент настал».

---

⁸² Бенуа А.Н. Мой дневник. 1916–1917–1918. М., 2003. С. 196; Окунев Н. П. Дневник москвича. Кн. 1. С. 93.

⁸³ Половцов П.А. Дни затмения. (Записки главнокомандующего войсками Петроградского военного округа генерала П.А. Половцова в 1917 году). М., 1999. С. 182; Блок А.А. Указ. соч. С. 161.

⁸⁴ Никольский Б.В. Дневник. Т. 2. СПб., 2015. С. 307.

⁸⁵ Иртыш. Орган Сибирского казачества. Издание войскового правительства. № 6. 1917. 5 ноября. С. 4.

При этом слухи выполняли не только деструктивную, но и релаксирующую задачу. Мало кто не верил, что большевики продержатся долго. По представлениям образованных слоёв, «утопия не могла удержаться у власти». А поскольку российская демократия обнаружила свое бессилие, то заговорили о том, что в ночь на 14–15 декабря произойдёт монархический переворот, затем был назначен другой срок – 21 декабря. Предполагалось, что офицеры произведут «ложные, безвредные взрывы, займут казармы и расправятся с непокорными». Слух повторился в начале 1918 г. накануне открытия Учредительного собрания. Теперь рассказывали, что «вся Россия уже решила к старому режиму вернуться, не соглашаются только две губернии: Московская и Петербургская», и даже Коллонтай и Ленин изверились в социальной революции. Параллельно возник слух, что демонстрация в защиту российской конституанты будет расстреляна⁸⁶. Антибольшевистский слух не подтвердился, подтвердился второй.

О том, что революция завершится возвращением к традиции, в какие прогрессистские одежды она бы не рядилась, говорили многие. И этому процессу по-своему «помогали» слухи и эмоции. Это явление невозможно понять в рамках привычных линейных причинно-следственных зависимостей. Возможно, для его понимания требуется «другая организация разума и желаний, о которых мы можем пока мечтать»⁸⁷. Величайший российско-мировой системный кризис протекал по законам социальной синергетики, то есть на путях самовоссоздания «порядка из хаоса». А этот итог определялся малозаметным, но решающим фактором – психикой «маленького человека», вынужденного решать проблему выживания, заглядывая в «утраченное» прошлое, то есть вопреки предписаниям «ученых мужей».

Список литературы:

1. Аксенов В.Б. Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции. М.: Новое литературное обозрение, 2020. – 992 с.
2. Бейзер М. Евреи Ленинграда, 1917–1939: Национальная жизнь и советизация. М.; Иерусалим: Мосты культуры; Gesharim, 1999. – 447 с.
3. Дмитриенко А.А. Гатчина. Год 1917-й (глазами горожан). М.: Форум: Неолит, 2017. – 334 с.
4. Колоницкий Б.И. «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М.: Новое литературное обозрение, 2010. – 657 с.
5. Козодой В.И. Александр Иванович Гучков и Великая русская революция. Новосибирск: НОУ ВПО Сибирская акад. упр. и массовых коммуникаций (ин-т), 2015. – 255 с.
6. Руга В., Кокорев А. Повседневная жизнь Москвы. Очерки городского быта в период Первой мировой войны. М.: АСТ: Астрель; Владимир: ВКТ, 2011. – 677 с.
7. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. Двенадцать лекций. М.: Весь мир, 2008. – 414 с.

⁸⁶ Мельгунова-Степанова П.Е. Дневник: 1914 – 1920. М., 2014. С. 144, 145.

⁸⁷ Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. Двенадцать лекций. М., 2008. С. 296.

8. *Retish A. Russia's Peasants in Revolution and Civil War: Citizenship, Identity, and the Creation of the Soviet State, 1914 – 1922.* Cambridge, NY, etc. 2008. – 294 p.

Об авторе:

БУЛДАКОВ Владимир Прохорович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт российской истории, РАН (Россия, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19), e-mail: kuroneko@mail.ru

RUMORS, EMOTIONS, BOLSHEVISM

V.P. Buldakov

The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

The author believes that for decades the history of the Russian revolution was studied in a false paradigm: the main place was occupied by the struggle of political parties that, as seen, strictly represented certain classes: the bourgeoisie, the proletariat, the peasantry. It was believed that the party's programs, drawn up on rational grounds, corresponded to a greater or lesser extent with the real interests of various segments of the population. It was not taken into account that in the chaotic situation of war and revolution the uncontrollable mass emotions based on an irrational perception of reality prevailed. Europeanized politicians were unable to resist it. Under these conditions, only those leaders who were guided by the destructive moods of the masses could win.

Keywords: *Russia, revolution, political parties, masses, emotions, rumors, Bolshevism.*

About the author:

BULDAKOV Vladimir Prokhorovich – Doctor of History, Chief Researcher, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, (Russia, Moscow, D. Ulyanov str., 19), e-mail: kuroneko@mail.ru

References:

- Aksenov V.B., *Sluhi, obrazy, emocii. Massovyje nastroyeniya rossijan v gody vojny i revolyucii*, M., Novoe literaturnoe obozrenie, 2020. – 992 s.
- Bejzer M., *Evrei Leningrada, 1917–1939: Nacional'naya zhizn' i soveti-zaciya*, M., Ierusalim, Mosty kul'tury, Gesharim, 1999. – 447 s.
- Dmitrienko A.A., *Gatchina. God 1917-j (glazami gorozhan)*, M., Forum, Neolit, 2017. – 334 s.
- Kolonitskij B.I., *«Tragicheskaya erotika»: obrazy imperatorskoj sem'i v gody Pervoj mirovoj vojny*, M., Novoe literaturnoe obozrenie, 2010. – 657 s.
- Kozodoj V.I., *Aleksandr Ivanovich Guchkov i Velikaya russkaya revolyutsiya*. Novosibirsk, NOU VPO Sibirskaya akad. upr. i massovyh kommu-nikacij (in-t), 2015. – 255 s.
- Ruga V., Kokorev A., *Povsednevnyaya zhizn' Moskvy. Ocherki gorodskogo byta v period Pervoj mirovoj vojny*, M., AST: Astrel', Vladimir, VKT, 2011. – 677 s.
- Habermas Yu., *Filosofskij diskurs o moderne. Dvenadcat' lekcij*, M., Ves' mir, 2008. – 414 s.

Статья поступила в редакцию 15.07.2023 г.

Подписана в печать 15.11.2023 г.